

УКРАИНИЗАЦИЯ КУБАНИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Монография краснодарского историка И. Ю. Васильева [1] посвящена одной из интереснейших и вместе с тем провокативных тем в обсуждении национальной политики советского государства 1920—1930-х гг. — украинизации Кубани. Интерес к ней обусловлен наличием ряда все еще остающихся открытыми вопросов, связанных с прояснением конкретных механизмов советизации отдельных регионов страны. В частности, необходимостью определения наиболее эффективных и действенных методов ее проведения, региональной специфики осуществляемых в данном направлении мероприятий, реакции на них населения. К сожалению, и об этом автор сразу же предупреждает читателя: рассматриваемая им проблема по большей своей части актуализирована современными дискуссиями о «точном установлении национальной принадлежности коренных жителей Кубани» [1, с. 3]. Не говоря уже о невозможности достижения такой точности одним лишь знанием прошлого, ангажированность науки текущими политическими потребностями едва ли оказывается полезной при решении конкретных исследовательских задач. Тем более что появление самого понятия укорененности и неизбежно сопряженный с его обоснованием поиск «исторического ценза» проживания определенных групп населения на той или иной территории оказываются порождением не научных изысканий, а все той же политической практики.

Ощутимыми отголосками навязанного науке деления населения на «коренное» и «пришлого» являются попытки посредством исторических исследований либо вернуть Кубань ее «исторической родине» Украине, либо, напротив, доказать их непреодолимую обособленность друг от друга. Обращение к проблемам украинизации одного из самых «украинских» регионов страны позволяет показать, каким образом зарождались подобного рода представления и к каким последствиям привела политика коренизации украинского населения Кубани.

Следует сразу же обратить внимание, что различным направлениям проводившейся на Кубани в 1917—1932 гг. политики украинизации посвящено немалое количество исследований. В их ряду работу И. Ю. Васильева отличают два примечательных обстоятельства: она является монографией, т. е. дает целостный, «сквозной» взгляд на исследуемую проблему и предлагает ее новую постановку, рассматривая украинизацию «как формирование у населения Кубани украинской идентичности средствами государственной политики» (1, с. 4). Пожалуй, впервые в региональной историографии автором напрямую связываются украинское национальное движение и советская политика украинизация. В монографии показывается, как в годы революции и Гражданской войны кубанскими украинофилами «зачиналось» движение за украинизацию культуры и образования, что она встречала одобрительную реакцию и поддержку части населения (в основном черноморских станиц) и членов Кубанской Рады. Однако прямого воздействия деятельности украинских активистов на развернувшуюся в 1923 г. политику украинизации Кубани И. Ю. Васильеву показать так и не удалось. Представляется, что в своем стремлении учесть «исторические предпосылки» украинской составляющей национальной политики большевистского руководства автор оказался в ловушке созвучности очень похожих, но функционально разных явлений. Подобного рода соблазны на примере еще нескольких десятилетий тому назад активно обсуждавшейся идеи о тоталитарности восточных деспотий уже получили соответствующую оценку профессионального сообщества и призваны крайне непродуктивными.

Первая, «досоветская» волна украинизации исходила из потребностей части населения Кубани удовлетворить свои потребности в знании родного языка и культуры того народа, с которым она в силу вполне определенных обстоятельств себя отождествляла. Собственно украинизация, проводимая советской властью, преследовала совершенно иные цели, связанные с упрочением своего положения в национальных районах страны. Потребности и запросы населения «по удовлетворению культурных чаяний» учитывались властью только в том случае, если они не противоречили ее генеральным установкам. В этом отношении украинизация мало чем отличалась от политики коренизации, проводившейся в отношении остальных национальных меньшинств. Хотя одно и весьма принципиальное отличие все же существовало: украинцы Северо-Кавказского края «нацменами» признаны не были. Тем не менее, несмотря на встречающиеся в литературе версии о предполагаемой передаче Украине части территории Кубани, едва ли аргументированной выглядит идея автора о сознательном формировании властью украинской идентичности кубанцев. В рассматриваемый период времени в высшем руководстве страны происходит осознание «неспешности» миро-

вой пролетарской революции и постепенно укрепляется мысль о необходимости построения социализма в одной отдельно взятой стране. Начавшиеся конфликты с украинскими «самостийниками», наиболее наглядно проявившиеся в преддверии заключения Союзного договора 1922 г., отрезвляюще подействовали и на проведение внутренней украинизации. Ее темпы и сроки окончания все более связываются с надвигающейся коллективизацией сельского хозяйства.

Безусловным достоинством исследования И. Ю. Васильева является наличие в нем отдельной главы, посвященной восприятию населением политики украинизации. Помимо традиционных для исторического сочинения «свидетельств времени», в ней широко используются источники устного происхождения, которые автором «безоговорочно поставлены» на второе после архивных и газетных материалов место [1, с. 14]. Между тем именно они (при надлежащем и грамотно составленном методическом сопровождении) могли бы стать хорошим подспорьем в разрешении поставленной им проблемы: кем же являлись подлежащие украинизации кубанцы — украинцами, возвращаемыми к своим природным истокам, или русскими, ставшими жертвами произвола власти?

Как показывает проведенное исследование, украинизация Кубани не только встретила ожесточенное сопротивление, но и обрела своих почитателей и идейных приверженцев. Ее полными драматизма и искалеченных судеб результатами стали быстрое развитие украинской литературы, оживление профессиональной и любительской украинской музыки, создание Северо-Кавказского украинского научно-исследовательского института. Однако все эти достижения уже в начале 1930-х гг. были полностью свернуты, а новый поворот в сторону денационализации национальной политики и процессы естественной ассимиляции надолго прервали «весну украинского возрождения» на Кубани.

Противоречивость и непоследовательность проводившейся политики украинизации нашла в монографии И. Ю. Васильева свое зеркальное отражение: ее изложение местами столь же прерывисто, как и зигзаги внедрения украинского языка в делопроизводство ряда населенных пунктов Кубани. Вместе с тем, и в этом, наверное, кроется обаяние первого, серьезного труда автора, он не навязывает читателю своего видения и оценок происходивших событий. Наличие в монографии объемного, 50-страничного приложения в виде различного рода документов законодательного и исполнительного характера, всегда оставляет возможность согласиться с мнением автора или оспорить его.

Мне, как профессиональному читателю и многолетнему исследователю национальной политики советской власти, монография показалась полезной и своевременной. Во-первых, она заставила по-новому взглянуть на то, что казалось давно известным и воспринималось на уровне расхожих банальностей (сопротивление языковой украинизации и свертывание ее на Кубани). Во-вторых, она еще раз продемонстрировала провокативную зависимость нашего ремесла от текущего политического момента и показала, что его итогом могут оказаться вполне интересные и полемичные исследования. В завершении хотелось бы поздравить И. Ю. Васильева с выходом в свет его первого (и скорее всего не последнего) научного сочинения и пожелать ему благосклонного приема со стороны маститых и не всегда щадящих авторское самолюбие коллег.

Примечания

1. Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917—1932 гг. Краснодар: Кубанькино, 2010. 164 с.

Сведения об авторе:

Хлынина Татьяна Павловна,

д-р ист. наук, гл. научный сотрудник

Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону).

E-mail: tatiana_xl@mail.ru.